

Борис Пильняк

Человеческий ветер

ФТМ

Борис Пильняк
Человеческий ветер

«ФТМ»

1925

Пильняк Б. А.

Человеческий ветер / Б. А. Пильняк — «ФТМ», 1925

ISBN 978-5-4467-1218-2

«Десять лет человеческой жизни – оглянуться назад на десятилетие – все это было вчера: все помнится до мелочей, до морщинки у глаз, до запаха в комнате. Но в каждые десять лет уходит с земли из жизни – одна пятая всех живущих на земле людей, десятки миллионов людей идут гнить в землю, кормить червей; впрочем, в эти же каждые десять лет и приходят в жизнь миллионы людей...»

ISBN 978-5-4467-1218-2

© Пильняк Б. А., 1925

© ФТМ, 1925

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Борис Пильняк

Человеческий ветер

I

Десять лет человеческой жизни – оглянуться назад на десятилетие – все это было вчера: все помнится до мелочей, до морщинки у глаз, до запаха в комнате. Но в каждые десять лет уходит с земли из жизни – одна пятая всех живущих на земле людей, десятки миллионов людей идут гнить в землю, кормить червей; впрочем, в эти же каждые десять лет и приходят в жизнь миллионы людей, рождаются, растут, живут, идут в новые земли, множатся, буйствуют половодьями весен, изобилуют летами, покоятся эмалевыми днями бабьего лета, сгорают красными зимними зорями – И каждая эпоха человеческой жизни, каждая страна, каждый город, каждый дом, каждая комната имеют свой запах – точно так же, как имеют свой запах каждый человек, каждая семья, каждый род. Десятилетия скрещиваются иной раз – очень часто, и – за эпохами, за событиями городов и стран – ему, этому, данному человеку – морщинки у глаз, запах комнаты – существенней, многозначимей, чем события эпох.

Над каждой страной дуют свои ветры.

У него, у этого человека, Ивана Ивановича Иванова, жизнь запомнилась городом с деревянными тротуарами, с деревянными заборами вдоль улиц, калиткой во двор, тяжелым запахом жилья в сенях, низкими комнатами в дворовый бурьян. И над его жизнью продул ветер тот, что пахнет человеческим жильем. В его комнате стоял продавленный кожаный диван, за диваном веками собирались окурки. На столе в его комнате изредка менялись книги и никогда не менялось сукно: это был письменный стол, пепел перецветил сукно на столе из зеленого в желтое, пепел нельзя было сдуть со стола. И за низкими окнами в сад рос бурьян, крапива, лопухи, белена. Над его жизнью продул тот ветер, что пахнет человеческим жильем, – и этот ветер застрял в его комнате.

И там за десятилетиями запомнился навсегда осенний, промозглый вечер, уж очень, до судороги в горле, пропахший человечесиной: это был вечер, когда он прогнал свою жену. До этого были и бурьяны рассветов, и половодье полей, и ночи со словами о том, – что – «люблю, люблю, навсегда, навсегда!» – были обвалы рассветов, когда в рассветном мире были – солнце, мир и озера ее глаз, в которых можно утопить мир и солнце, – она, заполнившая мир и солнце. В человеческой радости тогда родился ребенок, новый Иван, в сумерки глаза матери были прекрасны всем прекрасным материнством мира, – в сумерки он приходил тогда к ней, чтобы поцеловать ее бледную руку: ребенок тогда спал, новый Иван. – Все это было. – И потом был тот промозглый вечер, такой вечер, когда человеку одиноко, страшно на земле от удушья человечесины.

Это не был вечер: это была полночь. За окнами лил осенний дождь и там надо было колоть глаза. На столе горела свеча, капала на то самое сукно, которое никогда не сменялось. У нее опухли глаза, и у глаз были морщинки. Он стоял у стола. Она стояла у дверей.

Она говорила:

– Иван, пойми, это все ложь, прости. Это было наваждение. Ведь у нас было же настоящее большое счастье, мы же любили друг друга.

Иван Иванович наклонился к свече и читал медленно, по складам, сотню раз перечитанный лоскуток бумаги, написанный ею: – «Николай, это наваждение, но я не могу быть без тебя. Мужа не будет сегодня дома, калитка не будет заперта. Приди к одиннадцати, когда все уснут...»

Иван Иванович клал руку с лоскутком к себе в карман, отклонялся от огня и говорил медленно, по складам:

– Прощать тут не в чем. Это слово сюда не подходит. Я наваждениями не занимаюсь. И наваждение тут тоже не при чем. Просто ты голая лежала с голым мужчиной в моей постели. – Ступай вон!

– Иван! – у нас же ребенок, у нас же сын!..

Иван Иванович сострил:

– У нас же-ре-бе-нок: вот именно, мне не надо, чтоб у тебя были жеребцы. – Ступай вон!

И тогда у нее исчезли морщинки у глаз, остались одни глаза, полные ненависти, презрения и оскорбленности. Она прошептала ему, тоже по складам:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.